

Особенности лидерского взаимодействия в АТР

Научный руководитель – Морозов Руслан Николаевич

Кулага Максим Вадимович

Студент (магистр)

Донецкий национальный университет, Исторический факультет, Кафедра
международных отношений и внешней политики, Донецк, Украина

E-mail: maks.kulaga.97@mail.ru

Азиатско-Тихоокеанский регион на протяжении уже более 10 лет становится все более активным как в политическом, так и в экономическом плане. В этой связи, постоянная борьба за влияние между мировыми и потенциальными гегемонами с каждым годом становится все более ожесточеннее и требует рассмотрения.

В первую очередь, необходимо сказать, что наиболее активными игроками являются США и КНР, но при этом можно выделить ряд региональных акторов, которые также значительно влияют на региональную специфику. В число этих стран входит Россия, которая является геополитическим союзником Китая, желающим реализовать себя как государство АТР и найти новые рынки сбыта для своей продукции, которая с течением времени перестает доминировать на рынках Центральной Азии, которые захватывает Китай. Обязательным участником взаимоотношений является Индия. Дели формирует свою геополитику на разных уровнях. На региональном уровне государство пытается противопоставить себя КНР через реализацию союза с США и формирования устойчивой модели Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). На этой формулировке настаивает и Вашингтон, таким образом формируя более широкие геополитические рамки взаимодействия. В этом контексте необходимо отметить, что, в целом, все страны региона все более часто начинают использовать именно трактовку ИТР, чем АТР, так как с помощью нее можно более точно раскрыть некоторые аспекты географического взаимодействия. Важно отметить участие Южной Кореи в региональном сотрудничестве. Не являясь значительным политическим лидером, страна остается одним из форт-постов американской власти, хоть и посотенно ослабевающей, сдерживающим фактором для Северной Кореи и важным экономическим элементом мировой экономической системы. Реализация стратегии «Новой экономической карты» Кореи знаменует смешение интересов с чисто американского вектора на более экономически ориентированное сотрудничество с Россией и Китаем [4].

Начало эпидемии COVID-19 сильно ударило по региональному сотрудничеству и обозначило возможную конъюнктуру дальнейшего распределения сил. Как отмечалось еще в докладе РСМД в 2018 г., Китай проявляет себе все более самостоятельно на региональной арене и готов полностью противостоять США, так как уверен в том, что может успешно сдерживать Вашингтон [3]. Это показали итоги торговой войны Д. Трампа. При нынешних темпах восстановления в Китае, COVID может стать чертой, после которой КНР окончательно утвердится в качестве регионального гегемона. В этом случае можно ожидать сильное смещение геополитических и геоэкономических центров региона [2]. В частности, АСЕАН, как относительно «нейтральная территория» в настоящий момент, перестанет существовать или снизит уровень своей самостоятельности, так как еще в 2018 г. Китай достаточно активно интегрировался во многие экономические сферы, а широкие массы этнических китайцев являются устойчивой группой лоббирования. В этом контексте Индии будет необходимо еще более активно взаимодействовать с США, а также возможно установить регулярный политический контакт с Россией, которая станет новой «серой зоной» взаимодействия, с некоторым прокитайским уклоном. При этом Москва не сможет

полностью доверять Пекину, так как партнерство уже не будет осуществляться на равной основе.

Можно отметить, что китайская региональная стратегия подразумевает не только экономическое углубление своей деятельности на территории региона, но еще и ослабление своих потенциальных соперников. Из года в год можно наблюдать сближение КНР и Пакистана, что напрямую затрагивает вопросы безопасности в субрегионе. Кроме того, в значительной степени развивается сотрудничество с о. Шри-Ланка. В отношении последнего необходимо отметить, что он играет не только военно-политическое значение, но и торгово-экономическое, так как обеспечивает более безопасное проникновение в регионы Африки и Ближнего Востока. АСЕАН, в свою очередь, хотя и не хочет становиться полностью прокитайским постепенно вынужден это делать. Еще в первом полугодии 2015 г. объемы взаимной торговли Китая и АСЕАН составили 224,3 млрд. долларов (12% от общего внешнеторгового оборота стран АСЕАН), что на 1,6% больше, чем за аналогичный период 2014 г [1]. И, хотя можно наблюдать некоторые нерегулярные снижения товарооборота с отдельными странами из-за проблем в Южно-Китайском море, тенденция на сотрудничество и большие китайские инвестиции говорят о дальнейшем сотрудничестве.

Таким образом, региональное взаимодействие сейчас можно назвать «подготовительным». Все региональные игроки хотя и заняты регулированием ситуации с эпидемией, но здраво осознают возможное развитие событий. Только решительные действия нового президента США, в значительной степени смогут изменить вышеописанный сценарий.

Источники и литература

- 1) Дикарев А. Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или "новый консенсус"? / А. Д. Дикарев // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 75-87.
- 2) Морозов Ю.В. Индо-Тихоокеанская стратегия Д. Трампа как угроза национальным интересам Китая и России в регионе / Ю. В. Морозов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 6 (363). – С. 1166-1180.
- 3) Российско-китайский диалог: модель 2018: доклад № 39/2018 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2018 – 243 с.
- 4) Федоровский А. Н. Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России / А. Н. Федоровский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 1, 20. – С. 6-25.